

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Вера ХАРЧЕНКО

ФЕТ И КОСМОС

Об Афанасии Фете написано немало: библиография по творчеству Фета в 2016 году уже содержала 608 позиций, а к 2020-му, юбилейному для Фета году наблюдается выход еще ряда работ, что неудивительно: поэзия Фета приковывала самое пристальное внимание еще при жизни поэта. Фет дружил с Толстым, пытался заниматься земледелием, но при этом был еще и философом, изучал Платона, Шеллинга, Шопенгауэра, замечательно переводил античных авторов. «Лучше твоих переводов не читал, да, признаюсь и читать боюсь и, могу сказать, боюсь не найти в них той красоты подлинника... без которой немислима поэзия», – 16 марта 1892 года писал Фету Яков Полонский. Но главное, пожалуй, заключается как раз в том, что Фет сочинял свои удивительные, дивные стихи, которые до сих пор волнуют активно мыслящую публику. С детства, с юности хранит наша память: «Шепот, робкое дыханье, / Трели соловья...», «На заре ты ее не буди, / На заре она сладко так спит...», «Мама! Глянь-ка из окошка – / Знать вчера недаром кошка / Умывала нос...», «Я пришел к тебе с приветом / Рассказать, что солнце встало...».

Далековато до космоса? Конечно! Но тем не менее проблема космического в творчестве Афанасия Фета остается значимой, если не сказать краеугольной.

Большинство исследователей подходят к проблеме «Фет и космос» через мифологию Фета. Так, Г. П. Козубовская рассматривает проблематику мифа, подчеркивая, что мифопоэтика Фета не была предметом специального исследования, представления о Фете как о поэте сменились другой установкой: Фет выступал только как предшественник символистов. На преодолении такого подхода и выстроена вся эта книга¹. И да-

Вера Константиновна Харченко родилась в Калинин (Тверь), окончила Новосибирский педагогический институт и аспирантуру при кафедре русского языка Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета. Автор более 600 научных работ и пяти поэтических сборников. За двухтомный «Словарь богатств русского языка» в 2004 году удостоена медали ВВЦ (ВДНХ). Живет в Белгороде.

¹ Козубовская Г. П. Поэзия А. Фета и мифология. 4-е изд., М.: ФЛИНТА; Наука, 2016. 320 с.

лее следуют три трактовки мифа: миф как сон, миф как игра и миф как принцип бытия и мышления. Скажем здесь же, что книга вышла 4-м изданием, что тоже весьма значимо, поскольку все творчество Фета в ней последовательно и интересно интерпретировано сквозь столь характерную для XVIII—XIX веков мифологию. Здесь и изменения мифологического сюжета, и мифопоэтическая картина мира у Фета (*ночь, огонь/свет, солнце...*), и лирический субъект с его метаморфозами. Мифология автором понимается удивительно широко и максимально конкретно, что в соединении дает уникальную картину, относящуюся к Фету, и только к Фету.

Согласимся, что мифология в прошлых веках была значительно действеннее, нежели сейчас. Более того, интерес Фета к античности, возникший в годы учебы в пансионе, не ослабевал на протяжении всей жизни поэта. Об этом можно прочитать у В. Боткина, А. Дружинина, а также у А. Голенищева-Кутузова, В. Львова-Рогачевского, и в этом отношении Фет равен Пушкину, как утверждает Г. П. Козубовская. Прочитируем: *Так в художественном мышлении Фета оформляется «скульптурный миф» греческого искусства, в котором допустима деформация природы ради красоты* (с. 22).

Почему мы подробно останавливаемся на этой книге (а она скорее монография, нежели учебное пособие!), так это потому, что хотя у мифа Фета вроде бы и писали, но Г. П. Козубовская находит свое видение, делает свое значимое обобщение, отталкиваясь от поэзии Фета, от конкретных строк и стихов. «Пространственные локусы» — здесь рассматриваются следующие, как сказали бы мы, концепты. Это горы, стороны света, сад, лес, дом, дорога, водные локусы, время. Все раскрывается по отдельности, но в целом вырисовывается комплексная картина лирики поэта. *В поэзии Фета гора — граница, разделяющая два пространства, снежное и мятежное, по вертикали и горизонтально* (с. 116). Другой локус — «суточный цикл» вбирает в себя ночь, день, временные меры и поэтические символы времени, а также музыкальное время. «Сквозные образы» — это сон, зеркало, музыка. Получается, что раскрытие мифологии у Фета выстроено на раскрытии ключевых слов, последовательность, расположение которых уже говорит о многом.

Рассуждая о космическом у Фета, вчитаемся в некоторые выводы: *Таким образом, первый способ изменения интерпретации мифа связан у Фета с мифологизацией сюжета, что находит выражение в игре с сюжетом и со временем* (с. 47). *Фет как бы выносит культуру за скобки, обращаясь напрямую к мифу... вместо мифа, осмысленно-го как культура, предстал миф, понимаемый как природа* (с. 49). *В поэзии Фета любимая им идея о взаимосвязи микро- и макрокосма реализуется в поиске адекватных средств для выражения внутренних переживаний «природного» человека* (с. 163).

Мы выделили сейчас наиболее значимые места, показывающие (это важно!), что природное у Фета трактуется на порядок выше «культурного». Эти идеи книги подтверждены щедрой цитацией стихотворений Фета, дополнены фрагментами его переписки, но также обязательными отсылками к работам Б. Эйхенбаума и П. Флоренского, С. Аверинцева и С. Лурье, А. Ф. Лосева и К. Бархина, Ю. М. Лотмана и Т. В. Цивьян. Всего задействовано в книге 193 источника, почему мы и считаем, что это, повторим, скорее монография, а не учебное пособие.

Суть литературоведческого анализа может быть хорошо видна на примере мифологемы души, находящейся между «болью» и «сладостью». *«Боль» репрезентируется в перерастании одной субстанции в другую; так возникают цепочки, в основе которых муки блаженства от ощущения слияния боли и радости* (с. 167). Далее анализируется цепь: *цветок — пчела — звук — мед*. «Я» и «ты» не только взаимопроницаемы, но могут обращаться в каждое из явлений органического мира. А еще далее речь заходит вообще о немоте, молчании, в которых выражается благоговение перед красотой мира: *«иду*

я молча», «и я стою уже безумный и немой». Так что вывод, к которому приходит исследователь в самом конце изложения, представляется доказанным, обоснованным, валидным. Таким образом, «огонь» и «вода» как космические субстанции — проявление волнения (трепета, вдохновенья), страданья, возбуждающего исчезнуть, потонуть, сгореть, воспарить, вознестись — одним словом, «стать природой» (с. 171). Мифология мифологией, но главное, подчеркивает исследователь, «стать природой».

Возьмем другой подраздел книги: «Лирический герой как единство субстанций: метафорика Фета». Сначала вычерчиваются параллели: 1) душа — свет («И я знаю — низойдут их яркие лучи ко мне и трепетом, и песней»), всего рассмотрены здесь три ассоциации), 2) душа — волна (вода): «А нынче — как моя душа, волна светла» (одна ассоциация), 3) душа — вода — музыка: «И мои зазвучат песнопенья, — но в зыбучих струях ты найдешь разве ласковой думы волненье, разве сердца напрасную дрожь» (в третьей позиции анализируется шесть ассоциаций). Но это не все. Далее раскрывается, что лирический герой существует у Фета в двух полярных состояниях: выделенности из природы и слияния с ней. «Все растет и рвется вон из меры». И наконец, сугубо романтическая проекция: человек и его тень. Встреча с тенью у Фета драматична, тень становится предвестием выпадения из времени, но в то же время тень рассматривается как «живительница подземного царства». Исследователь проводит разницу между трактовкой тени в ранней лирике поэта и в поздней лирике, именно с этим «сопряжен ужас от встречи с собственной тенью» (с. 185). Но кроме «тени» речь заходит о «раздвоении» человека, о двойственных оценках («...я уже не знаю, что добровольным зовется и что неизбежным на свете»), об обострении ощущений радости и счастья перед закатом. И вот самый конец подраздела: Психологическая основа метаморфоз — оборачиваемость состояний; по Фету лирический экстаз сродни безумию: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик (с. 187).

Миф как Космос и миф как текст исследуются в связи с поэтикой Фета, по-своему преломляющей законы Космоса. Это новое знание? Безусловно. «Стать природой» — принцип бытия и мышления Фета, сформулированный в поэзии, — означает переход русской поэзии на новую ступень освоения мифологии.

Так умно, доказательно и, главное, понятно написана вся эта книга. Приведем еще один отрывок из «сквозных образов: макро- и микромира». Ключ к пониманию фетовского женского изображения — зеркало: смягчая действительное, оно создает идеальную проекцию, в которой проявляются провиденциальные свойства зеркала как отгадчика судьбы: «В этом зеркале под ивой уловил мой глаз ревнивый сердцу милые черты... Мягче взор твой горделивый... Я дрожу, глядя, счастливый, как в воде дрожишь и ты»... Так зеркало становится выражением эстетических принципов поэта (с. 211).

Книга замечательно выстроена и выполнена. Она действительно раскрывает тему «Поэзия А. Фета и мифология». Мифы — это утопии? Может быть, однако... «Кажется, что рисовать утопии бессмысленно. Но отказ от них означает отказ от будущего» (Хорхе Луис Борхес). Впрочем, призывать современных поэтов к изучению мифологии вряд ли уместно. Мы подробно продемонстрировали, как тема космоса раскрывается у Фета через постоянное обращение к мифам и мифологии, но, видимо, есть и иные пути космической увертюры. Во всяком случае, тема «Фет и космос» требует новых, дополнительных изысканий.

Оттолкнемся от цитаты из Фета. Источник мифологизации Фет видит в самой русской жизни: «...Как и везде, наша русская жизнь любит подчас необъяснимое» (с. 18). О да, конечно! Но не слишком ли мы увлеклись этим необъяснимым?

У Фета есть стихотворение (мы привели отрывок выше): «Шепот, робкое дыханье, / Трели соловья, / Серебро и колыханье сонного ручья...» И есть еще похожее стихотво-

рение: «*Это утро, радость эта, / Эта мощь и дня и света...*» Помните? Здесь на синтаксическом уровне высказана мысль о ценности всего земного, безусловно, но есть стихи и о живом внимании к высшему миру, к космосу. Рассмотрим отрывок из стихотворения 1858 года «Заря прощается с землею...». Название, по первой строке говорящее: заря принадлежит не только земле. В стихотворении будто бы нет мифологии, но высшее, космическое есть. *Как незаметно потухают / Лучи и гаснут под концец! / С какою негой в них купают / Деревья пышный свой венец! // И все таинственней, безмерней / Их тень растет, растет, как сон; / Как тонко по заре вечерней / Их легкий очерк вознесен! // Как будто, чуя жизнь двойную / И ей овеваны вдвойне, — / И землю чувствуют родную / И в небо просятя оне.* Деревья выступают как связующие нити между землей и космосом. Но какие нити? Купающие в лучах свой *пышный венец!* И далее: *Как будто чуя жизнь двойную и ей овеваны вдвойне...* Мысль о единстве земного и космического (но не холодного, далекого, а родного и мягкого, как все земное) прочитывается в этом стихе. Идея единства земли и космоса очень важна для Фета. Вспоминается афоризм: «В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы», — считал Н. Винер. *Островки порядка* — конечно же, однако *произвольные*, на том и поэзия основана.

Годом ранее написано стихотворение «Бездна», оно тоже о космосе. *На стоге сена ночью южной / Лицом ко тверди я лежал, / И хор светил, живой и дружный, / Кругом раскинувшись, дрожал. // Земля, как смутный сон немая, / Безвестно уносила прочь, / И я, как первый житель рая, / Один в лицо увидел ночь. // Я ль несся к бездне полуночной, / Иль сонмы звезд ко мне неслись? / Казалось, будто в длани мощной / Над этой бездной я повис. // И с замираньем и смятеньем / Я взором мерил глубину, / В которой с каждым я мгновеньем / Все невозвратнее тону.*

Мы выделили полужирным шрифтом строки, которые приближают нас к космосу. Космос интерпретируется как продолжение земли: *Казалось, будто в длани мощной / Над этой бездной я повис...* Сильное стихотворение! Написать так может человек, часто думающий о космосе, представляющий его как продолжение земли и представляющий землю как часть космического мира. «Активно разрабатываемые и ярко описываемые сценарии будущего заставляют считаться с собой в настоящем, меняя иногда ход текущих событий»². Сейчас пишут о редукции авторизации как всеобщей и весьма тревожной проблеме³. Личность уходит, растворяется, и что же?

Космос уходит из поэзии, но космос — это наше спасение в будущем, и игнорировать его нельзя. «Поэтому „космический прорыв“ — это социосистемная необходимость и вопрос высшей, онтологической безопасности», — развивает эту мысль в своей статье Сергей Переслегин⁴. Вот почему надо вновь и вновь возвращаться к Фету, учиться у Фета. Нет, не мифологии (хотя почему бы и нет?), а трепетному отношению к космосу. Космос Фета — это свой, мягкий, таинственный мир, единый с землей и остро нуждающийся в нашей сегодняшней любви.

² Ковалев В. А. Новации в российской политике и попытки их освоения силами отечественной фантастики // Полис: Политические исследования, 2008, № 3. С. 173.

³ Секацкий А. Не только о Швейцарии // Новый мир, 2015, № 4. С. 164.

⁴ Переслегин С. Б. В колыбели. Космос как возможность спасения // Нева, 2011, № 4. С. 145.